

Марина и Сергей Дяченко

Слово погибели № 5

Марина и Сергей Дяченко

Слово гибели № 5

«Автор»

2008

Дяченко М.

Слово гибели № 5 / М. Дяченко — «Автор», 2008

Убийство скромной, незаметной учительницы, совершенно явно совершенное известным магом, зачем-то стершим свою память, расследование, проводимое упрямым и дотошным следователем... Простой детектив в антураже городского фэнтези? Нет конечно. Сергей и Марина Дяченко так мелко не плавают. В этой небольшой повести авторы «разрабатывают» сразу несколько пластов — философских, социальных, бытовых. И как всегда, очень тонко и не назидательно. © FantLab.ru

© Дяченко М., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Слово гибели № 5	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Слово гибели № 5

На часах десять ноль-девять. Я сижу на бульваре Равелина, на влажной скамейке, лицом к магазину музыкальных инструментов. Правее – шоколадная лавочка «Дым». Левее – «Мыло как искусство», тоже магазин. Выше по бульвару подпирает хмурое небо свечка гостиницы «Интеркорона».

Что-то случилось.

Я помню, как вышел сегодня из дома, твердо решив не брать машину, потому что прогноз обещал пробки в центре. Помню, что в последний момент не удержался и от станции подземки свернул к гаражу. Помню, как застрял на перекрестке Иволгина Моста и Машиностроительной...

С этого момента не помню ничего: я заново осознал себя через пару часов, сидя на влажной скамейке напротив музыкального магазина, где на рекламном плакате у входа изображен кот, играющий на валторне.

Начинается дождь.

Паниковать, конечно же, поздно. Все, что могло случиться, уже произошло.

Открываю мобильный телефон. Информация о звонках, входящих и исходящих, уничтожена. Автоответчик пуст. Время – десять десять, двадцать девятое августа. Сегодня с утра тоже было двадцать девятое, я вышел из дома в восемь ноль шесть или что-то около того.

Нажимаю «один». Илона почти сразу берет трубку.

– Привет, – голос спокойный, светлый. – Нет, никто не звонил... Что случилось, Алистан?

– Пока не знаю. Может быть, ничего.

Дождь висит между небом и землей, будто не решаясь пролиться – и не в силах сдержать себя. Морось. Тепло. Движение плотное, но пробок на бульваре нет. В девять мы должны были встретиться с Певцом, в десять тридцать – с шефом, насчет адвокатского запроса по делу о Болотной карге... Интересно, где моя машина?

Телефон у меня в руках играет марш, на экране высвечивается номер Певца.

– Да?

– Алистан, где вы?! Почти час пытаюсь до вас добиться – «вне зоны доступа»!

– Что-то случилось, Питер. Не могу сказать точнее.

Мимо проносится по резервной полосе «Скорая помощь» с мигалками и ревом. Через несколько секунд ей вслед летит полиция. Обе машины заворачивают к высотке «Интеркороны».

* * *

У въезда на бульвар Игрис выбрался из машины и припустил почти бегом. В полном безветрии шел мелкий-мелкий дождик. По бульвару Равелина тянулся, как огромная жвачка, поток машин, и под каждым железным брюхом вихлялся сизый дымный хвостик. Запах выхлопа висел под тополями и липами. Игрис бежал, лавируя среди прохожих.

В их маленьком доме второй месяц жили родственники жены, семейство с двумя четырёхлетними близнецами. Елене родственники надоели даже больше, чем Игрису, – она все реже бывала дома, ссылаясь на занятость, и даже ночевать иногда оставалась в своем салоне. Гости, между тем, не торопились уезжать в родной провинциальный городок: они то учились, то лечились, то искали работу, просиживая дни напролет перед включенным телевизором... Игрис оборвал себя: неприязнь к родственникам делала его желчным и, возможно, несправедливым. Сегодня ночью одного из близнецов рвало: наглотался кошачьего корма из мисочки,

а Игрис, вместо того чтобы пожалеть ребенка, тихо страдал, что не может выспаться перед рабочим днем...

Не запыхавшись, он подбежал к воротам «Интеркороны». Махнул удостоверением перед носом человека в ливрее. Заметил «Скорую», отъезжавшую от бокового входа; врачи здесь без надобности. Та женщина мертва.

Перешел на быстрый шаг. Поднялся по блестящим от дождя мраморным ступеням; еще один человек в ливрее открыл перед ним дверь. Игрис успел подумать с оттенком самодовольства: ну вот я и на месте, а в машине бы до сих пор тянулся по бульвару.

В фойе толпились люди. Ноздри Игриса раздулись; огромный холл огромной гостиницы пытался жить повседневной жизнью. Приезжие у стоек беседовали с портье, катились тележки с багажом, в мягких креслах отдыхали измученные дорогой дамы. Но радостный ужас, который охватывает обывателя всякий раз, когда рядом случается настоящее преступление, – этот сладкий кошмар витал над головами, прорывался в тихих разговорах, и даже маршал Равелин на парадном портрете, казалось, заинтересованно прислушивается.

Игрис направился в дальний конец холла, миновал дверь с табличкой «Только для служащих гостиницы» и оказался в кабинете, полном народу. Двое полицейских в форме подпisyвали какие-то бумаги, дежурный администратор играл желваками, пятеро праздных сотрудников делали вид, что оставаться в комнате им крайне необходимо. Человечек лет пятидесяти, с белым бейджем на голубой сорочке, сидел, откинувшись на спинку кожаного дивана, с бесконечно усталым и расстроенным видом.

Игрис поздоровался и предъявил удостоверение. Пятеро праздных сотрудников зароились вокруг, как пчелы; Игрис попросил дежурного администратора о помещении, где можно было бы поговорить без помех. Через минуту в кабинете остались сам администратор, полицейские, Игрис и человечек на диване.

– Мертва по прибытии, – сухо доложил старший полицейский, тучный, с кустистыми бровями. – Никаких следов насилия. Характерное окоченение в первые минуты после смерти – почти верный знак, что ее умили Слово погибели, или как там у них называется...

– Убита с помощью магии?!

– Девяносто девять и девять десятых. Мы вызвали «Коршун». Как только они явятся, мы уедем – нам здесь больше нечего де...

Распахнулась дверь. Не спрашивая разрешения, в комнату шагнул высокий мужчина с залысинами надо лбом, и за ним вошли сразу двое; тут случилась заминка, потому что служащий с белым бейджем закричал.

Вытянув трясущуюся руку, он тыкал пальцем в грудь человека с залысинами:

– Это он! Господа! Это он! Это он и есть!

* * *

– Этот господин и женщина прошли в комнату для совещаний. Два раза просили кофе. Провели там чуть меньше часа... Точнее, пятьдесят пять минут. Потом господин вышел. Сказал, что дама просила ее не беспокоить... И покинул гостиницу через центральный вход. Через полчаса закончился срок аренды комнаты для совещаний, и я вынужден был... Тогда-то я ее и нашел, господа. Она лежала на полу, ни крови, ничего. Я думал, она упала в обморок от духоты... Да, окно было закрыто, кондиционер выключен, а в камине, господа, полно было пепла, и дым пропитал всю обивку, мебель, портьеры, все... Я осмотрел ее и понял, что она мертва, больше того – она окоченела, как камень... Я сразу же вызвал врачей и полицию.

– Кто и когда заказал комнату? – спросил черноволосый смуглый человек с таким жестким и властным лицом, что допрашиваемый сразу признал его главным.

– По телефону... – Портье торопливо раскрыл файл на карманном компьютере. – Сейчас скажу точно... Вот, заказ поступил в восемь часов восемнадцать минут, комнату заказали на восемь сорок пять... Обычно мы не принимаем заказы «сейчас на сейчас», но эта комната самая дорогая. С камином и антикварной мебелью. Сегодня утром на нее не было других заказов...

– Заказ оплачен?

– Да... Его оплатил в ту же минуту сам заказчик – господин Алистан Каменный Берег. Номер счета...

– Спасибо.

Портье допрашивали в гостиничном номере на шестом этаже. Окна выходили на бульвар Равелина, по стеклам потоками лилась вода: дождь наконец-то хлынул в полную силу. Высокий человек с залысинами на лбу не принимал участия в допросе – он сидел на подоконнике у приоткрытого окна, смотрел на улицу, вглядываясь в бегущие струи. Когда упомянули его имя – чуть повернул голову.

Следователь прокуратуры, светловолосый жилистый очкарик, еле добился от «Коршуна» разрешения присутствовать на допросе. Портье видел, как они схлестнулись со смуглым магом – не разобрать было ни слова, одно шипение. Следователь держал развернутое удостоверение, как щит, но обороняться не собирался – наседали и наседали на смуглого, и тот, оскалившись напоследок, пригрозил: «Мы сличим потом наши протоколы!»

Теперь следователь молча сидел в кресле – с диктофоном на одном колене и блокнотом на другом.

Содержимое камина покоилось в прозрачном стеклянном контейнере здесь же, на журнальном столике. Еще один сотрудник «Коршуна», круглолицый и бледный, водил над стеклом ладонью.

– Не поддается восстановлению, – грустно констатировал он.

– Что это было?

– Бумаги. Скорее всего, старые бумаги в картонных папках. Таких сейчас не делают.

– Спасибо, – смуглый поглядел на портье так строго, что тот втянул голову в плечи. –

Спасибо за содействие, вы можете быть свободны.

– Сейчас? – Портье казался немного разочарованным.

– Сейчас... Этот номер понадобится нам еще некоторое время. Просим не беспокоить.

– Да-да... Разумеется. До свидания.

Портье вышел.

Несколько минут в комнате было очень тихо, только дождь стучал по жестяным козырькам снаружи.

– Ничего себе день начинается, – сказал человек на подоконнике.

И слабо улыбнулся.

* * *

Игрис не любил людей из «Коршуна». К счастью, ему редко приходилось иметь с магами дело. Убийства из ревности, из корыстных побуждений, на почве бытового пьянства – вот эти грязные, печальные, иногда до жути смешные дела доставались Игрису и таким, как он, в то время как маги из «Коршуна» расследовали куда более зловещие и стильные преступления.

И вот они столкнулись в одной комнате.

Раздражительный и властный Певец начал с того, что попытался оттеснить Игриса от расследования. Многие при виде Игрисова лица почему-то решали, что из этого тихони можно веревки вить. Например, родня Елены, милая парочка с близнецами... Какого лешего! Пришлось дать отпор. В конце концов, Игрис выполняет свой долг, его прислало сюда собственное

начальство, речь идет об убийстве, закон один для всех, а если подозреваемый служит «Коршуну» – то в интересах самих же магов, чтобы дело расследовалось объективно!

Двое коллег Певца ничего против Игриса не имели. Круглолицый маг с самого начала казался подавленным и выбитым из колеи, а высокий – этот самый Алистан Каменный Берег – витал в облаках и слушал дождь, как будто происходящее ничуть его не касалось.

Вместе они обследовали комнату для переговоров, но там ловить было нечего. Женщина лежала на ковре: ничем не примечательное лицо, крашенные седоватые волосы, на вид лет тридцать восемь – сорок. Она казалась восковой фигурой. Как будто Игрис попал на съемки фильма: антикварный интерьер, куча пепла в камине и чистый, с виду декоративный труп на ковре посреди комнаты. На лице убитой не было ни страдания, ни даже удивления: казалось, собственная смерть ничуть ее не волнует.

При ней не нашлось никаких документов. В маленькой сумочке отыскились зонтик, ручка, тощая косметичка, зубная щетка с крохотным тюбиком пасты и тяжелые ключи на пластиковом брелоке. Кошелек, полный мелочи, и две сотенные купюры. Ни чеков из магазина, ни записей, ничего; старый мобильный телефон был аккуратно выпотрошен, чип исчез – возможно, все в том же камине. Она была одета просто, скучно, даже бедновато – не по карману таким женщинам заказывать комнаты для встреч в «Интеркороне». Впрочем, комнату оплачивал ее собеседник.

– Господа... могу я наконец допросить подозреваемого?

Человек у окна чуть повернул голову:

– Питер, объясни коллеге Трихвоста, в чем тут дело.

Игрис вскинул подбородок. Он привык к своей смешной фамилии, но человек с залысинами произнес ее с особенным цинизмом – так, во всяком случае, показалось Игрису.

Смуглый Певец молчал целую минуту. Круглолицый все так же водил рукой над контейнером с пеплом.

– Дело вот в чем, господин следователь, – начал Певец и тут же перебил себя: – Не представляю, что вы будете со всем этим делать. Следствие такого рода вне вашей компетенции... Ладно, слушайте. Женщина убита с помощью сильнейшего заклинания Слово погибели № 5. Одно из особенностей этого заклинания – четкий след исполнителя. Это все равно, что оставить на лбу жертвы ксерокопию паспорта убийцы.

– И этот убийца...

– Не перебивайте! – рявкнул Певец. – Вы ничего не смыслите в этих делах, так имейте терпение выслушать! Да, заклинание идентифицировано как произведенное Алистаном Каменный Берег. Этот человек, к вашему сведению, мог убить жертву десятком других магических способов, и ни вы, ни даже мы никогда бы не смогли отыскать исполнителя!

Игрис молчал.

Человек у окна снова обернулся к разговору спиной. Дождь притягивал его взгляд, как ребенка – цирковое представление.

Круглолицый сотрудник «Коршуна» отряхнул наконец ладонь и отодвинул от себя стеклянный контейнер.

– Он признался в совершенном? – спросил Игрис у смуглого.

– У него стерта память, – Певец глядел на Игриса с откровенной враждебностью. – Он не помнит ничего, что происходило сегодня, с восьми часов двенадцати минут до десяти ноль-девяи.

Игрис соображал быстро:

– Кто мог стереть ему память? Такая точность...

Певец покривил губы. Необходимость посвящать следователя в столь интимные вопросы была ему омерзительна, он даже не пытался это скрыть.

– Он сам стер себе память. Опять же, оставив недвусмысленный знак, будто подпись: это сделал я. Честно говоря, трудно представить себе другого мага, способного такое проделать с...

Певец запнулся, будто глотая комок.

– Нам придется вызвать механика, – пробормотал круглолицый.

Певец резко к нему обернулся:

– Только по решению суда. С правом обжалования. В присутствии адвоката!

– Либо по добровольному согласию объекта, – негромко сказал человек у окна. – Питер, я прошу тебя... путаясь в мелочах, мы можем упустить главное.

Снаружи переменился ветер. Поток воды, как из шланга, хлестнул по стеклу.

– Через три минуты дождь уймется, – будто про себя сказал Алистан. – Тогда поедем в управление... Боксер, закажи механика прямо сейчас. В городе пробки...

– Прошу, конечно, прощения, – с подчеркнутой вежливостью проговорил Игрис. – Но, может быть, вы обратите внимание, что по закону человек, подозреваемый в тяжком преступлении, должен быть взят под стражу?

– У тебя вырастут ослиные уши, – не глядя, бросил смуглый Певец. – И хвост. И еще кое-что, твоя жена удивится...

– Певец, – круглолицый Боксер, больше похожий на хомячка, вскинулся. – Вы имейте все-таки какие-то... рамки, что ли, приличия...

– Очень сложное дело, – тихо сказал Алистан у окна. – Я думаю, в интересах следствия... вы поедете с нами, господин Трихвоста, конечно же. Если хотите, можете вызвать конвой, или что там по закону полагается...

Он смотрел на Игриса, а тем временем будто складывал в уме многозначные числа. Как он себя чувствует, подумал Игрис в замешательстве. Точно знать, что только что убил человека, женщину, не знать, за что... И ничего не помнить. Может ли человек нести ответственность за преступление, о котором не имеет понятия?

Дождь за окном ослабел, будто по команде.

– Репортеры, – пробормотал Алистан, глядя на бульвар.

– Где?!

К гостинице подкатывали одна за другой яркие машины с логотипами телеканалов.

– Портъе не удержался, – сказал Игрис.

Певец нехорошо улыбнулся:

– Придется вам, господин Трихвоста, давать сегодня интервью. Мы-то пройдем, воспользовавшись профессиональным приемом...

– Прокуратура все равно не выпустит это дело, – неожиданно для себя сказал Игрис. – Вам лучше искать со мной общий язык... А не ссориться.

* * *

Через холл гостиницы Игрис прошел, задержав дыхание: «Не дышите, а то заклинание сорвется». В холле полно было журналистов и камер; ошестившись микрофонами, репортеры глазели на дверь лифта. Три мага и следователь вышли из нее и зашагали по блестящему мрамору холла, но ни одна голова не повернулась им вслед: взгляды журналистов буравили дверь за их спинами.

Игрис шел за спиной Алистана, мир вокруг был подернут будто плотным полиэтиленом. Люди смотрели сквозь него, мимо него, поверх его головы. Никогда еще Игрис так остро не чувствовал себя пустым местом.

Оказавшись на улице, он с наслаждением перевел дух. Шарахнулся от припозднившейся съемочной группы, вслед за магами влез в черный автомобиль, размерами более похожий на автобус. Водитель, ни о чем не спрашивая, завел мотор.

- О, моя машина на стоянке, – нарушил молчание Алистан. – Влетит в копеечку.
- Я скажу ребятам, чтобы забрали, – сумрачно отозвался Певец.

Алистан молча протянул ему ключи.

Они друзья, подумал Игрис. Гораздо более близкие, чем может показаться на первый взгляд. Кажется, Певец горюет сильнее, чем сам убийца.

Автомобильный поток на бульваре Равелина едва тянулся. Игрис поерзал на сиденье: ему захотелось выйти и прогуляться пешком.

– Дело Болотной Карги, – тихо сказал Алистан. – Подумай, кому передать. Там, собственно, остались формальности – война с их адвокатами...

– Война с адвокатами нас не касается. Передаем дело...

Певец вдруг замолчал, уставившись в одну точку. Игрис наблюдал за ним краем глаза.

– Точно, – наконец прошептал Певец. – Никому так не выгодно тебя скомпрометировать, как адвокатам Карги. Проклятье, дело-то на поверхности! Представляю, как они взвоят... Ты никого не убивал и не стирал себе память, это подстава!

– Не вижу технической возможности, – осторожно заметил Алистан. – А ты?

– То, что мы не видим, не означает, что возможности нет. Старуха страшно богатая... Господин следователь, – он обернулся к Игрису, держась подчеркнуто уважительно, – нам надо будет подготовить программу совместных действий. Первая на данный момент версия – по заказу Элеоноры Стри, престарелой дамы, обвиняемой в серии убийств, совершена попытка скомпрометировать главного следователя по ее делу: имитация убийства...

– Но как же имитация, если я видел труп, – тихо сказал Игрис.

– Проклятье! Эта женщина убита единственно для того, чтобы возложить вину на Алистана Каменный Берег! Именно сейчас, когда дело практически завершено, у адвокатов не осталось лазеек... Нас ждет целый ряд экспертиз, мы должны доказать, что подделка подписи под заклинанием возможна, а также...

– То есть вы собираетесь подгонять факты под свою версию?

Боксер в глубине машины вздохнул, закатив глаза.

– Господин... Трихвоста. Мы действуем сообща. Наша цель – найти убийцу.

– Если он не едет в этой машине. Очевидные улики, даже без ваших волшебных подписей: заказ и оплата комнаты, камин, показания свидетелей...

– То, что очевидно, чаще всего оказывается ложным, – кротко сказал Певец. – Не знаю, как у вас, а в нашей практике это правило. Если хотите найти убийцу – обратитесь к связям Элеоноры Стри, она же Болотная Карга, тринадцать душ на совести...

– А бульвар-то еле тянется, – задумчиво сказал Алистан. И вытащил мобильный телефон; Игрис подумал, что телефон-то, согласно процедуре, хорошо бы у подозреваемого изъять...

– Илона? Привет. Я жив, здоров, очень тебя люблю. Поцелуй Бенедикта. Что? Нет, не особенно. Я перезвоню потом. Возможно, ночевать не приду... Прости. Ну, до скорого.

Он спрятал телефон и уставился в окно. Справа открылась площадь Маршала Равелина, памятник в окружении розовых кустов: маршал стоял, подняв в приветствии руки, и на монументальных пальцах его сидели живые голуби. Вокруг постамента замерли двенадцать статуй поменьше: ближайшие соратники маршала, герои Священной войны.

Машина свернула.

* * *

Здание «Коршуна» помещалось на площади Равелина, об этом знал каждый обыватель в столице и провинции, поскольку сериал «Под надежным крылом» не сходил с вершины рейтинга вот уже третий сезон. Игрис и сам смотрел несколько серий, еще в прошлом году, вместе

с Еленой, и почти втянулся, но тут на работе случился очередной аврал, и Игрис окончательно отвык от телевизора.

(Родственники жены смотрели «Под надежным крылом» каждый вечер. Игрис, запершись в своей комнате, иногда вздрагивал от криков: «Нет! Это смертельное заклятие! Остановитесь! Нет!»)

Его не покидало ощущение, что он сам сделался героем сериала. На подземной автостоянке «Коршуна» играла негромкая музыка. Игрис подумал про себя: хороший саундтрек.

Он то и дело поглядывал на Алистана. Когда вялая рассеянность убийцы сменится отчаянием? Или яростью? Ведь не может человек принять такой удар судьбы с сонным видом: это защитный механизм, но сколь угодно крепкая психика не сможет защищаться вечно...

Или это тоже заклинание, нечто вроде искусственного спокойствия? Добраться бы до своего кабинета: Игрис тут же закажет справочник по психологии магов, самый полный, какой только отыщется.

Скоростной лифт вознес их почти к самой верхушке здания. «Приемная Алистана Каменный Берег» – блестящая табличка на блестящей двери, огромное, удобное, респектабельное помещение. Певец и Алистан сразу ушли в кабинет, за темную дубовую дверь; Игрис заволновался. Боксер подсунил ему на подпись бумагу, покрытую голограммами и водяными знаками, как туземец татуировкой.

Это было обязательство не разглашать сведения, полученные в порядке ознакомления с делом: «Если я нарушу данный обет, язык мой покроется язвами на срок от трех до десяти лет, в зависимости от количества выданной информации, а я буду нести ответственность согласно Гражданскому кодексу...»

– Разве я должен буду ознакомиться с каким-либо делом «Коршуна»?

– Да! Если уж вы ведете это следствие и представляете здесь гражданские власти.

– Я не стану это подписывать, – подумав, сообщил Игрис. – Я собираюсь свободно распоряжаться всей информацией, которая понадобится для следственных действий.

Боксер, видимо, растерялся. В этот момент входная дверь открылась снова, и на пороге появился исключительно некрасивый человек с черным чемоданчиком в руке.

– Я механик, – сказал вместо приветствия. – Документы на вмешательство вы подготовили?

Игрис смотрел на новоприбывшего с недоверчивым ужасом. С первого взгляда трудно было понять, в чем заключается уродство: очевидных изъянов не было. Разложив это лицо на детали, можно было отметить волевой подбородок, прямой нос, густые ресницы и выразительные карие глаза – однако будучи собраны на одном лице, все эти замечательные части производили отталкивающее и даже пугающее впечатление. Игрис решил, что все дело в пропорциях: глаза слишком широко расставлены и слишком низко посажены относительно переносицы. Следствие это профессии – или насмешка природы?

Из кабинета быстрым шагом вышел Певец.

– Добрый день, – он смерил механика неприязненным взглядом. – Документ у нас один – личное согласие. Давайте не будем тянуть.

Он поманил механика пальцем, тот проследовал через приемную, больше не взглянув ни на Боксера, ни на Игриса. Несколько минут прошло в тяжелом молчании. Из кабинета не доносилось ни звука.

Потом вернулся Певец. Его смуглое лицо казалось желтоватым.

– Сволочи, – сказал, ни к кому не обращаясь. – Я это так не оставлю... Давай, Боксер, вызывай наших родных журналюг, надо озвучить рабочую версию. И надо организовать утечку по делу Болотной Карги. С подробностями. Кто у нас работает с общественным мнением?

Он вдруг заметил Игриса и уставился на него так, будто тот соткался перед ним прямо из воздуха.

Боксер возвел глаза к деревянному потолку. «Как я еще работаю с этим человеком?» – говорил его взгляд.

Певец вдруг наклонился вперед. Целую секунду Игрис был уверен, что маг собирается взять его за воротник рубашки и хорошенько встряхнуть.

– Вы понимаете, что это за человек? – Певец говорил напористым шепотом, воздух вырывался из него с шипением, как из пробитой автомобильной камеры. – Ладно, половина его дел засекречена... Но хоть что-то вы должны были слышать об Алистане Каменный Берег?! Это лучший руководитель, которого я знал, и лучший оперативник! Это человек, которому обязаны жизнью сотни... людей! И прочих тварей! Вы не ходили с ним на оборотня, рыло на рыло, откуда вам знать... Какого лешего ему убивать неприметную тетку? Это провокация, явная и наглая, и я не собираюсь быть разборчивым в средствах. Либо вы мне поможете – либо лишитесь работы, репутации, здоровья...

– Вы мне угрожаете? – спросил потрясенный Игрис.

Он не мог поверить, что в респектабельной приемной «Коршуна» сотрудник этой уважаемой организации пытается запугать его, следователя прокуратуры, да еще в присутствии третьего лица! Через мгновение он понял, что Певец, со всеми его жесткими и властными манерами, на грани истерики. Или уже за гранью.

Боксер незаметно вышел. Игрис решил промолчать; Певец мерил комнату шагами, десять шагов по ковру в одном направлении и десять в другом, от окна к фикусу и обратно.

Открылась дверь кабинета. Вышел уродливый механик, потирая очень красные, будто распаренные, ладони:

– Давайте бланк протокола...

Певец молча подсунул ему бумагу с типографской рамкой. Механик, краем зада пристроившись на кончике кресла, начал писать, комментируя вслух:

– Стало быть, так. Имеет место мнемокоррекция общей продолжительностью один час пятьдесят семь минут. Выполнена исключительно аккуратно, что тем более удивительно, что подконтрольный произвел ее прямо на себе и прямо в потоке времени. Крайние точки почти не смазаны... Отличная работа. Временной промежуток определяем субъективно, двадцать девятое августа, с восьми часов двенадцати минут до десяти ноль-девяти. Внутри этого периода...

Механик остановился. Отложил ручку. Поднял голову, встретился взглядом с Певцом.

– Внутри этого периода снесено все до единой связи, – с некоторой грустью сообщил механик. – Выжжено. Отформатировано полностью и восстановлению не поддается. Мне вообще удивительно, как после такого вмешательства он не утратил рассудок. Впрочем, рано говорить: некоторые эффекты имеют отложенное действие...

Певец вцепился в спинку стула, на котором сидел верхом. Игрису на секунду сделалось его жалко.

В молчании механик закончил протокол, подписал и оттиснул замысловатую печать. Незаметно вернувшийся Боксер провел ладонью над бумагой, коснулся кончиками пальцев, будто оставляя невидимый знак.

– Все? – кротко спросил механик.

– Одну минуту, – Певец не смотрел на него. – Вы сказали, «тем более удивительно». Давайте подумаем: маг корректирует сам себя, сидя на скамейке, на бульваре, вмешательство филигранное – меньше двух часов! – произведено так глубоко и точно, что даже вас, с вашим опытом, это удивляет... Нет ли других версий того, что случилось?

Механик помолчал – секунду.

– Нет, – сказал наконец неожиданно мягко. – На раннем срезе памяти оставлен маячок, «приступаю к коррекции», совершенно профессиональное обозначение. Алистан занимался когда-нибудь механикой? Думаю, да, хотя бы в теории... На позднем срезе – «окончание кор-

рекции», и опять идентификационная метка. Вы предполагаете, что кто-то сделал это за него, подделав его почерк?

Певец раскачивался на стуле.

– Предварительно этому человеку надо было отключить господина Каменный Берег, – задумчиво сказал механик и в своей задумчивости показался Игрису вовсе не таким уродливым. – Как вы себе это представляете?

Певец не ответил.

Механик коротко поклонился и вышел, держа под мышкой чемоданчик.

* * *

– Неужели вы совсем отказываетесь сотрудничать?

Почти стемнело. Задержанный Алистан Каменный Берег сидел наконец в собственном Игрисовом кабинете – после посещения «Коршуна» кабинет представлялся Игрису жалкой клетушкой.

Алистан наклонил голову с высокими залысинами:

– Да. Не обижайтесь, Игрис, но я не буду с вами сотрудничать. Объясню почему.

Рассеянность и вялость его, так поразившие Игриса с утра, сменились теперь странным умиротворением. Продолжая сравнение с телесериалом, Игрис решил для себя, что Алистан похож на усталого актера в давно известной роли – как-никак третий сезон.

– Объясню... Сегодня утром, когда я застрял на перекрестке Иволгина Моста и Машиностроительной, у меня зазвонил телефон. Я этого не помню – просто логически воссоздаю. Некая женщина попросила у меня срочного свидания... Ее личность установили?

– Пока нет. – Игрис поерзал на жестком стуле. – Разослали фотографии. Она, скорее всего, приезжая.

– Я тоже так подумал. Итак, незнакомая женщина из провинции убедила меня переменить планы. Я заказал комнату для встреч и оплатил с личного счета – личного, а не корпоративного. Мы говорили с ней, по словам портье, меньше часа. Потом я убил ее, уничтожил бумаги, которые она мне показывала, и зачистил собственную память. Это установлено?

– Да.

– Тогда объясните мне, ради всего святого, чем еще я могу помочь вам? Дело закончено. Убийца найден.

– Ваш коллега выдвинул гипотезу...

– Певец мой друг и хочет оправдать меня. Его гипотеза не выдержит никакой проверки. Правда – элементарна. Я ее убил. Я раскаялся. Хоть завтра в суд.

Игрис пощелкал выключателем настольной лампы: перегорела. Окно выходило на набережную на высоте одиннадцатого этажа. По желтоватой воде тянулся, оставляя белый след, прогулочный катер.

– Но почему? – тихо спросил Игрис. – Мотив ведь неясен. Мотива нет. Наоборот... Есть тысяча причин, почему вы *не могли* убить ее – именно ее, именно так, именно в таких обстоятельствах.

– Какая разница? Факт установлен.

– Вам безразлично, почему это случилось?

Алистан сдвинул брови. Его спокойное лицо вдруг нахмурилось – и так же внезапно обрело прежнюю безмятежность.

– Видите ли. Я совершил, по сути, самоубийство...

Он на секунду задумался.

– Да... Самоубийство. Чтобы то, что она мне сказала, больше никто никогда не услышал. Я убил человека, который был в моей полной власти, который мне доверился. Женщину. Я это

сделал. Я, может быть, навсегда скомпрометировал «Коршун». Я... изувечил жизнь моих жены и сына – ради того, чтобы мотив, как вы выражаетесь, так и не был никогда раскрыт. Если вы узнаете, почему я это совершил, все окажется напрасно: и мое преступление, и ее гибель, и...

Он застыл с широко открытыми глазами, на вдохе, с полуоткрытым ртом. У него на секунду сделалось такое напряженное, такое болезненное лицо, что Игрис разом вспомнил о Слове гибели № 5, убивающем на месте, и о словах механика: «Некоторые эффекты имеют отложенное действие...» Конвой скучал в соседней комнате, можно вызвать подмогу, коснувшись носком ботинка кнопки под столом... Сколько раз можно применить Слово гибели, пока конвойные доберутся до кабинета?

– Не бойтесь. – Алистан закрыл глаза. – Я очень устал. Надо полагать, сегодня я ночую в камере?

* * *

Звонок Елены поймал его на подходе к дому.

– Муж, прости, у меня аврал... Сегодня ночую на работе.

Третий раз за прошедшие две недели. Игрис почувствовал себя беспомощным и жалким.

– Слушай, жена...

– Ну, прости-прости. Давай уговоримся: в воскресенье, на День памяти Равелина, вместе поедем гулять. И пошлем всех прочих подальше.

– Почему бы не послать всех прочих прямо завтра?

Елена молчала в трубку.

– Елка?

– Я не могу уже ее видеть, – призналась жена и прерывисто вздохнула. – Агату. Она насквозь фальшивая. Зовет меня «тетей», а сама только на два года младше!

– Ну не могу же я выгонять из дома *твоих*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.